

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-52-63

© А. Б. Бильдюг, © Н. Г. Комелина

ПОМОРСКИЕ СКАЗИТЕЛИ И КНИГИ: ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ НАХОДКАХ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ*

Для фольклористики важным является противопоставление низкой/устной/крестьянской культуры высокой/книжной/городской культуре.¹ Влияние грамотности и книг на устное творчество, если таковое было зафиксировано, считалось порчей традиции.² Так, например, М. К. Азадовский пишет, что современные ему исследователи сказки противопоставляют устность и книжность и устанавливают неразрывную связь между «народной сказкой» и «неграмотностью».³

Американский фольклорист Алан Дандес называет такой подход «регрессивным принципом в теории фольклора». Согласно этому принципу «золотой век фольклора» находится в далеком прошлом, а произведение устного жанра со временем подвергается порче: трансмиссия, контаминации и пр. коверкают его изначально чистый и незамутненный смысл.⁴ Поэтому исследователи, придерживающиеся таких воззрений, стремятся записать наиболее древний и наименее «испорченный» пласт фольклорных текстов.

Крупные собиратели былин и духовных стихов второй половины XIX — начала XX века А. Ф. Гильфердинг и А. В. Марков, следуя, вероятно, этому принципу, важным условием сохранения эпоса называют «малое развитие <...> грамотности» у крестьян.⁵ Гильфердинг отмечал, что «почти все <...> рапсоды неграмотные». Грамотными оказались только пять из семидесяти сказителей, с которыми он работал.⁶ Чуть позже вслед за своим предшественником Марков пишет, что грамотность, «расширяя умственный горизонт и возбуждая новые интересы, отвлекает внимание от несложных эпических памятников старины». Первоклассные исполнители, по его наблюдениям, были неграмотны.⁷

Разговор о грамотности исполнителей подразумевает, с одной стороны (и чаще всего), их обращение к популярным печатным и лубочным изданиям,⁸ с дру-

---

* Статья выполнена по гранту РФФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

¹ Неклюдов С. Ю. О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2. С. 2–3.

² Лурье М. Л. Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 9. С. 124–141.

³ Азадовский М. К. Сказительство и книга // Язык и литература. Л., 1932. Т. 8. С. 9.

⁴ Дандес А. Регрессивный принцип в теории фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. статей. М., 2003. С. 57–71.

⁵ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова; изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 1002.

⁶ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. XVI.

⁷ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1002.

⁸ Сама возможность заимствования былин из публикаций, ориентированных на широкий круг читателей, интересовала исследователей рубежа XIX–XX веков лишь в незначительной степени. А. М. Астахова в разделе монографии «Русский былинный эпос на Севере» говорит о малом внимании А. Д. Григорьева и А. В. Маркова к факту усвоения эпического текста из лубочных и популярных изданий фольклора (Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере.

гой — речь может идти и об их включенности в традицию книжности рукописной.⁹

А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков во время поездок на Север кроме устных текстов собирали рукописные книги или — по крайней мере — сообщали о них в своих отчетах. При этом, несмотря на принятые представления об обратной зависимости грамотности и степени сохранности устных жанров, исследователи отмечали связь приверженности населения старообрядчеству — которое не существует без рукописной книжности — и более бережного отношения к эпической традиции.¹⁰ Ончуков писал, что «население Усть-Цильмы и Пижмы почти сплошь старообрядческое, а в кратких характеристиках своих „старинщиков“ указывал степень их начитанности и наличие элемента книжности в исполняемых ими былинах».¹¹ Подобные замечания о единичных хороших исполнителях старин, обучившихся грамоте в старообрядческих скитах, есть и в работах Маркова, несмотря на критическую оценку им роли грамотности в сохранении эпоса.

Однако вопросы о том, были ли сказители читателями найденных рукописей, владели ли ими, оставались в значительной степени в стороне от исследовательских интересов собирателей этого периода. Фольклорная составляющая поездок по Северу и собирание рукописей будто бы не соприкасались в их работе.

Возможно, разнесение устной и письменной культур в работах ученых начала XX века было отчасти связано и с наследием исторической школы Вс. Ф. Миллера, в рамках которой памятники рукописной книжности воспринимались как артефакт, относимый к прошлому и высокой культуре, а записи фольклора — к культуре крестьянской. Впрочем, как будет показано ниже, следующим поколением собирателей фольклора (Р. С. Липец, Э. Г. Бородина-Морозова и др.) подобные вопросы также не ставились.

Лишь в более поздних работах особо оговаривается, что сказитель одновременно является носителем устной и рукописной книжной культур. Академик А. М. Панченко

Петрозаводск, 1948. С. 283). Позднее о роли книги в творчестве сказителей писал современный исследователь Ю. А. Новиков. Он, отдавая должное важности изучения вторичного бытования былин, пишет: «И все же вторичное бытование эпоса правомерно рассматривать как одно из проявлений кризиса живой фольклорной традиции. Среди десятков исполнителей, усвоивших былины из книг, лишь единицы владели былинными напевами» (*Новиков Ю. А. Былина и книга. Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов.* СПб., 2001. С. 5). Примеры, относящиеся к влиянию популярной печатной книжности на творчество отдельных сказителей, могут быть продолжены.

⁹ Одним из аспектов проблемы взаимодействия сказительства и рукописной книжности является непрофессиональная запись фольклорного текста: самим исполнителем, человеком из другой социальной среды, путешественником и пр. «Новейшая история фольклористики знает несколько случаев, когда грамотные сказители записывали былины, которые сами исполняли (И. А. Касьянов, П. Калинин, Т. Е. Точиллов, П. И. Рябинин-Андреев)» — но записи эти были сделаны по просьбе собирателей, «для науки» (*Путилов Б. Н. «Сборник Кириши Данилова» и традиции русского фольклоризма XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1966. Т. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. С. 30*). В работе Т. Г. Ивановой, посвященной в том числе записям былин в Вологодском крае, говорится о двух рукописных сборниках, которые включают в себя эпические тексты: рукописи из собрания Российской национальной библиотеки О. XIV, № 17 (содержит книжные песни религиозного характера, былины, историческую песню); «старинные тетрадки (рукописи)», на которые ссылался корреспондент Русского географического общества Н. Е. Ордин в 1877 году (см.: *Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты.* СПб., 2001. С. 105–109, 112–113). Иванова приходит к выводу, что «приведенные факты с рукописью из РНБ и со старинной тетрадью, с которой был знаком Н. Е. Ордин, заставляют нас обратить особое внимание на письменную форму бытования песенно-эпического фольклора в среде носителей устно-поэтической традиции» (с. 113–114). В нашем случае речь идет о несколько другом аспекте: рукописи, которым посвящена наша статья, не представляют собой записи устного исполнения фольклорного текста.

¹⁰ *Панченко А. М. Рукописная книжность Печоры // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры. С. 124.*

¹¹ Там же.

в обзоре рукописного наследия Печоры говорит о вероятной принадлежности некоторых книг «старинщикам» Ончукова. «Во всяком случае, пометы Григория Ивановича Чупрова встречаются на трех поморских рукописях (УЦ, № 57; УЦН, 35, 94), а Игнатий Васильевич Торопов был читателем литературного сборника местного письма (УЦН, № 8)».¹² В работе А. Н. Власова отмечено, что сказители Василий и Емельян Чупровы слыли на Печоре известными книжниками: «Емельян, овдовев, ходил обучать грамоте детей на Цильму, а Василий Абрамович был наставником в с. Верхнее Бугаево по р. Печоре». Исследователь пишет: «Как мы видим, даже в более ранние времена умение петь старины и книжное знание были не отделимы друг от друга и составляли как бы две одинаково важные черты натуры талантливого человека».¹³

Материалы, связанные с Зимнем берегом Белого моря, точнее, с двумя деревнями — Верхняя и Нижняя Зимние Золотицы, которые со времен Маркова¹⁴ известны фольклористам как крупный эпический центр,¹⁵ позволяют заглянуть в небольшую «библиотеку» сказителя, а также отметить сюжеты, которые равно бытовали как в устной, так и в письменной традиции этой части Поморья.

С самого открытия былинной традиции Зимнего берега в центре внимания исследователей была семья сказителей Крюковых. Одной из лучших исполнительниц из этой семьи Марков называл Аграфену Матвеевну. Повторная экспедиция по следам собирателя была предпринята аспирантом В. П. Чужимовым в 1934 году.¹⁶ Ее материалы сохранились лишь частично, многие записи оказались утраченными. В 1936 году происходит «открытие» советской сказительницы Марфы Семеновны Крюковой, дочери Аграфены Матвеевны. С ней работали такие фольклористы, как А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Р. С. Липец и др.

Марков указывает на особое отношение семьи сказителей к рукописной книге.¹⁷ Из записанной им биографии Марфы Семеновны известно, что она любила читать и берегла, «как драгоценность, рукопись церковного письма, подаренную ей дедом Василием Леонтьевичем и содержащую в себе разные песнопения и жития. Большую часть своих старин и несколько духовных стихов она переняла у деда, который не менее своего брата Гаврилы славился как замечательный сказатель. С девяти лет он

¹² Там же. С. 125.

¹³ Власов А. Н. Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III науч. конф. «Рябининские чтения — 99». Петрозаводск, 2000. С. 45.

¹⁴ О нем см.: Маркова Н. А. Алексей Владимирович Марков: Семейные истории и биографические очерки. М., 2017.

¹⁵ На рубеже XIX–XX веков на Зимнем берегу Белого моря, а именно в двух селах Нижней и Верхней Зимних Золотицах, Марков собрал большое количество былин, духовных стихов и исторических песен, которые вошли в сборник «Беломорские былины» (Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901). Первые фольклорно-этнографические материалы, в том числе первые записи былин на Зимнем берегу Белого моря, были сделаны священником зимнезолотницкого прихода И. Ф. Розановым в 1850-е годы. Они были опубликованы в сборнике П. С. Ефименко (*Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: [В 2 ч.]*. М., 1878. Ч. 2: Народная словесность).

¹⁶ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2–3. С. 119–151.

¹⁷ Многие исследования посвящены влиянию популярных печатных и лубочных изданий на творчество сказителей Крюковых. Астахова замечает, что записанные в 1899–1901 годах Марковым былины М. С. Крюковой восходят к хрестоматии Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов А. В. Народная поэзия. М., 1894). То же можно сказать о 10 из 63 текстов, записанных от А. М. Крюковой (*Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере*. С. 320). В аналитическом указателе «Былина и книга» Новиков выявляет зависимости от книг сюжеты в репертуаре сказителей Крюковых (см.: Новиков Ю. А. Былина и книга...). Книжное влияние на разработку сюжета о Егории Храбром в исполнении А. М. Крюковой отмечает Т. В. Хлыбова (*Хлыбова Т. В. Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А. В. Маркова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения — 2003»*. Петрозаводск, 2003. С. 132). Она находит мотивы, заимствованные сказительницей из варианта, опубликованного в хрестоматии Оксенова.

учился в кельях Онуфриевского скита». ¹⁸ Старообрядческий скит находился недалеко от с. Койда и духовно окормлял поселения Зимнего берега Белого моря. ¹⁹ Кроме того, А. В. Марков высказывает предположение об особой роли старообрядческих скитов «в хранении и распространении <...> эпоса». ²⁰

Наблюдения Маркова о том, что сказители Крюковы были не чужды рукописной старообрядческой книжности, нашли свое подтверждение в полевых и архивных поисках участников экспедиций Пушкинского Дома последних лет. ²¹ В фондах Рукописного отдела ИРЛИ РАН Н. Г. Комелиной было найдено письмо председателя секции этнографии Северного отделения Всесоюзного географического общества А. А. Морозова, сообщающее о том, что московская фольклористка, ученица Ю. М. Соколова Э. Г. Бородина-Морозова (супруга автора письма) привезла из экспедиционной поездки на Зимний берег двадцать местных рукописей XVII–XIX веков, «среди которых попадаются интересные древнерусские повести («О царице и львице» и др.), произведения местного „житийного“ жанра («Житие Андрея <так! — А. Б., Н. К.> Ущельского-Холмогорского» и др.)». ²² Эта находка никак не отразилась в публикациях исследовательницы. Происхождение рукописей оставалось неясным, а их местонахождение — неизвестным.

В 2007 году сотрудники Отдела русского фольклора Пушкинского Дома отправились в экспедицию в деревни Верхняя и Нижняя Зимние Золотицы для проверки состояния фольклорной традиции, записи материала о местных сказителях и воспоминаний об исполнении эпических текстов. Уже тогда А. И. Васкул в одном из домов обратила внимание на рукописные книги, которые, как оказалось, принадлежали Крюковым.

В 2010 году Отделом фольклора была организована вторая экспедиция в Золотицы. Кроме песен, частушек, мифологических рассказов и многочисленных воспоминаний о сказителях прошлого, экспедицией были привезены три скромных рукописных фрагмента: лист крюкового Ирмология последней четверти XVII века (ИРЛИ).

¹⁸ Беломорские старины и духовные стихи. С. 254.

¹⁹ Возникновение Ануфриевского скита связывают с переселением сюда старообрядцев после разгрома скитов на Керженце в 10-е годы XVIII века. Об истории скита см.: *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908; *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. Архангельск, 1999. С. 439–464; *Окладников Н. А.* История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII — начало XX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2005. Т. 1. С. 32–42; *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30–40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74–83; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003. С. 102–115; *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 130–134; *Васкул А. И.* «Живите. Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2018. Вып. 11. С. 318–329; *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. М.; СПб., 2018. Т. 8: Былины Зимнего берега Белого моря. С. 149–156, и др.

²⁰ «Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, между прочим, и Голубиную книгу, которая считается за старину. Одна <...> старуха <...> говорила мне, что в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков и хорошая сказательница Точилова выучили некоторые старины в том же скиту, к сожалению, мне неизвестно, какие именно старины и от кого они переняли. Может быть, серьезные и благочестивые сюжеты, действительно, пользовались популярностью в некоторых северных чисто национальных скитах, которые допускали в свои кельи народные стихи и старины, в противоположность официальной церковности» (*Марков А. В.* Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1003).

²¹ Участники фольклорно-археографических экспедиций Пушкинского Дома 2007, 2010, 2018 годов: Д. В. Агафонова, А. Ю. Балакин, А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, Я. В. Зверева, Н. Г. Комелина, Г. Н. Мехнецова, В. Радеке, Е. Селезнева, А. И. Функ. Архивная работа в Библиотеке Академии наук проводилась в том числе Н. А. Ефимовой.

²² ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 14.4. Л. 177–178 (письмо 1948 года). Ошибочное название жития перечеркнуто неустановленным лицом.

Северодвинское собр. № 966), отрывок богослужебного текста (Там же. № 967) и выписки из «Альфы и Омеги» XIX века (Там же. № 968). Несмотря на кажущуюся незначительность находок, они — напротив — представляют особый интерес, так как были подарены Пушкинскому Дому родственниками М. С. Крюковой. Два рукописных сборника из библиотеки сказителей были пересняты с любезного разрешения нынешних владельцев.

И наконец, в 2018 и 2019 годах удалось выяснить судьбу рукописей, привезенных Бородиной-Морозовой. В 1948 году Морозов передал в фонды Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук 18 рукописей. В их составе, действительно, есть «Повесть о царице и львице», а также Житие Иова Ущельского. Золотицкое происхождение многих рукописей подтверждается благодаря читательским пометам на их листах. Мы предполагаем с большой долей вероятности, что все 18 рукописей, одновременно переданные Морозовым в фонды БАН, происходят с Зимнего берега Белого моря.²³

В их числе богослужебные рукописи XVIII — середины XIX века (БАН. Текущие поступления. № 428–430, 433–434), Житие Иова Ущельского (Там же. № 424), переписанное в 1861 году четырнадцатилетним отроком Феодором Ситниковым из д. Верхние Березники.²⁴ А также — фрагмент «Сна Богородицы» (Там же. № 425) в списке XIX века; настенный лист «Сказание о двенадцати добрых друзьях» XVIII века (Там же. № 426); фрагмент тетради с виршами, переписанными в XIX–XX веках (Там же. № 427); «Печать царя Соломона» XVIII века (Там же. № 435); Житие Андрея Юродивого в списке первой половины XVII века (Там же. № 420); гадательная книга XVIII века (Там же. № 423); сборник конца XVII — начала XVIII века с текстами эсхатологического содержания, входящими в «Соборник», а также старообрядческими сочинениями «Послание о сложении перстов» Герасима Фирсова, «Пятая соловецкая челобитная», и др. (Там же. № 418);²⁵ сборник учительного и богослужебного характера XVIII–XIX веков (Там же. № 419); сборник духовных стихов конца XVIII века (Там же. № 421); «Повесть о царице и львице» в списке XVIII века (Там же. № 422). Кроме того, с Золотицей связаны заемные записи 1819–1833 годов (Там же. № 431) и квитанция о сборе продуктов на содержание рекрутов 1742 года (Там же. № 432).

Еще две рукописи, вероятно, из тех же двадцати, упомянутых в письме, оказались переданными Морозовым в 1967 году в фонды Древлехранилища Пушкинского Дома. Одна из книг — богослужебный сборник 80-х годов XVIII века, который содержит в том числе Сказание об обретении мощей и чудесах Иоанна и Лонгина Яренгских (ИРЛИ. Мезенское собр. № 153). Судя по записям, книга была куплена Анисьей Ивановной Субботиной в д. Ручьи у «Стефана Васильева Юрьева» (л. 1 об.). Недалеко от устья р. Ручьи находился старообрядческий Игнатьевский скит.²⁶ Другие записи сборника также связаны с родом золотицких крестьян Субботиных: «Сей канун принадлежит Михайлу Стефанову Суботину. Своеручно подписал»; «У нас строен дом свой 1846 году»; «Михайло Стефанов Суботин женился 1846 году апреля месяца...» (л. 2, 3 об.). Есть также запись с именем Манефы Копытовой (?), о происхождении которой ничего не известно (л. 4).

Другая книга — Житие Кирика и Улиты, переписанное в 1844 году калужским мещанином В. Ф. Макеевым (ИРЛИ. Мезенское собр. № 154), позже ставшая частью небольшого книжного собрания семьи Крюковых: «Сия книга Архангельскаго уезд<a> Золотицкаго волостнаго правления Нижнозолтицкой деревни крестьянина Ва-

²³ БАН. Текущие поступления. № 418–435. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА БороДИНОЙ-Морозовой велась исключительно в Золотицах на Зимнем берегу.

²⁴ Подробнее об этой рукописи см.: Рыжова Е. А. Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 545–573.

²⁵ Описание рукописи см.: Сочинения писателей-старообрядцев XVIII в. / Сост. Н. Ю. Бубнов; ред. А. И. Копанев. Л., 1984. С. 55–59.

²⁶ Подробнее о ските см.: Окладников Н. А. Край родной Мезенский: Очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 212–219. Ручьевское же происхождение имеет и рукопись, привезенная из экспедиции ИРЛИ РАН в 2010 году (ИРЛИ. Северодвинское собр. № 969).

силы Леонтьева Крюкова. 1852 года марта сам своеручно подписал» (Там же. Л. 1); «Сия книга Кирика и Улиты Зосимы Семенова Крюкова 1899-го года месяца 15-го июля» (Там же. Л. 1 об.); книга «Петра Ивановича Крюкова» (Там же. Л. 16 об.). Записи поминального характера также связаны с семьей Крюковых: о преставлении Аграфены Матвеевны Крюковой, Дарьи Васильевны Крюковой, Михаила Михайловича Крюкова («подписал родной его племянник Василей Крюков для незабвенной памяти» — Там же. Л. 2 об.).²⁷

На листах многих рукописей из собрания БАН также находятся владельческие и читательские записи, из которых следует, что доподлинно семье сказителей Крюковых принадлежали две рукописи: сборник духовных стихов (БАН. Текущие поступления. № 421) и «Повесть о царице и львице» (Там же. № 422).²⁸

В перечень книг Крюковых необходимо добавить еще 3 фрагмента рукописей, которые сейчас находятся в Древлехранилище ИРЛИ РАН, и 2 сборника (доступные только в фотокопиях), о которых речь уже шла выше. Один из этих сборников XVIII века содержит такие записи: «Читал сию книгу Архангельской округи Золотицкого волосного правления Нижно-Золотицкой деревни крестьянин Василей Леонтьев Крюков 1847 года апреля 3 дня», «и своеручно подписал, а ничего не сказал, хорошо ли или погрешительно писано. Священник <далее подпись, вероятно, Гавриила Богоявленского. — А. Б., Н. К.>»; «Читал священник Гавриил Богоявленский 1853 году»; «Читал Иван Семенович Крюков»; «Парасковьи Лукиничны Тарасовых». Книга сохранила и сведения о преставлении В. Л. Крюкова и его жены, Семена Васильевича, Сергея Васильевича, Ирины Васильевны, Дарьи Васильевны Крюковых, Аграфены Матвеевны Крюковой: «Погребено тело рабы Божией Аграфены Матвеевны Крюковой в Верхней <так!> зимнезолотицком кладбище за рекой. Кто будет читать, того прошу помянуть рабу Божию. Пометил <?> сын ея И. Крюков».

Кроме того, Василий Леонтьевич Крюков — дед сказительницы Марфы Семеновны Крюковой — был читателем книги, принадлежавшей «крестьянину Золотецкой деревни Михаилу Степановичу Суботину или жене его Аксиньи Ивановне Суботиной» (БАН. Текущие поступления. № 418), а также сборника учительного и богослужебного характера XVIII–XIX веков (Там же. № 419). Сборник, судя по фамилии его владельца Аксиньи Прокопьевой Коптяковой и по более ранней записи («<Рома>новъгако уезду Гор<од>скаго стану деревни Кулиги Максима Григоева <так!> сынна <так!> Фролова» (Там же. № 419. Л. 1–11)), связан с историей Ануфриевского скита. На листах из синодиков скита конца XVIII — начала XIX века (ИРЛИ. Мезенское собр. № 84) и помянника в составе сборника XVIII века (Там же. № 178) нами в числе имен и фамилий для поминаний были обнаружены указания на поминание «родителей» «московских», «рыбленских», «рост<овских>», «пусто<зерских?>» и «ром<ановских>».²⁹

Наиболее часто в записях семьи Крюковых на листах рукописей, привезенных с Зимнего берега, упоминается имя Василия Леонтьевича Крюкова. О нем известно немного. Он был сказителем, но не сохранилось ни былин, ни духовных стихов, записанных от него. Судя по заметкам Маркова, именно В. Л. Крюков значительно повлиял на свою внучку Марфу Семеновну Крюкову. В биографических сведениях о ней Чужимов упоминает В. Л. Крюкова: «Дед, Василий Леонтьевич, имел судно; братья — Василий и Гаврил Леонтьевич — ходили вместе, рабочих не было, но покрутчиков держали. Василий Леонтьевич старообрядец, воспитывался в скиту Онуфриевском за Мегрой, у деда Афанасия Коптякова. У В<асилия> Л<еонтьевича> были рукописи

²⁷ Кроме всех перечисленных рукописей, имеющих золотицкое происхождение и находящихся сейчас в собраниях БАН, Древлехранилища ИРЛИ и личных собраниях, необходимо упомянуть и Часовник второй половины XVII века, хранящийся в Архангельском музее деревянного зодчества (АМДЗ. КП 9446 («Малье Корель»)). Благодарим Н. В. Савельеву за указание на эту рукопись.

²⁸ Подробнее о записях на листах золотицких рукописей см.: *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря... С. 153–155.

²⁹ О роли старообрядцев г. Романова в истории скитов Зимнего берега см.: *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря»... С. 74–83.

с песнями и житиями. Мать В<асилия> Л<еонтьевича> была взята из скита Игнатьевского в Ручьях».³⁰

Как пишет Марков, в Ануфриевском ските В. Л. Крюков не только выучился грамоте, но и духовным стихам и некоторым старинам: «...там же он научился петь церковные службы, но, несмотря на хороший голос, не соглашался петь на клиросе в золотницкой церкви, потому что, как он говорил (передаю со слов А. М. Крюковой), там служат не по-старому, на клирос нельзя взойти — так разит табачищем от дьячка; а пуще всего он боялся щепоти (трехперстного крестного знаменья, вовсе неупотребительного у золотницких крестьян)».³¹ При этом, однако, в записи на листах одной из золотницких рукописей В. Л. Крюков упомянут как «церковный староста» (БАН. Текущие поступления. № 419. Л. 123 об.). Из записей же известно, что он умер в мае 1895 года.

Сказители Крюковы и другие золотницкие крестьяне читали тексты богослужебные, душеспасительные, старообрядческие полемические и др. Есть среди сюжетов найденных рукописных книг и те, что бытовали на Зимнем берегу также в устном исполнении: Стих об Иоасафе-царевиче («Как расьплачится млад юноша Иоасаф царевичь...»; там же. № 427. Л. 7 об.); Стих об осаде Соловецкого монастыря («Что во славном было царстве...»; там же. Л. 9); духовные стихи «Егда человек здрав бывает...» (Там же. Л. 1) и «Человек на земли как живет, трава растет <так!> ...» (Там же. Л. 5 об.); рассказ о народах, заточенных в горах (в рукописи из частного собрания он представлен в составе отрывка из Откровения Мефодия Патарского).³²

Среди фольклорных жанров и сюжетов, восходящих к книжной традиции, на Зимнем берегу Белого моря были зафиксированы «сказки» про Александра Македонского³³ и пересказы «Александрии»,³⁴ в состав которых входит и сюжет о народах, заточенных в горах. Краткий пересказ этого сюжета записан от М. С. Крюковой Чужимовым: «Во время похода в Индию его А<лександра> М<акедонского> войско пожирала звери. Он их загнал в горы и поставил трубы. Трубы железные и воеет ветер, а они чувствуют: все стоит Александр Македонский. Когда эти трубы разрушатся, тогда они выбегут и будто поедать будут людей».³⁵

³⁰ ИРЛИ. Р. V. Колл. 72. П. 2. № 7. Л. 1.

³¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 254.

³² Кроме того, можно упомянуть и список «Повести о царице и львице» (БАН. Текущие поступления. № 422. Л. 2), входивший в библиотеку сказителей Крюковых. Свидетельства существования этого сюжета в устном исполнении на Зимнем берегу Белого моря нами пока не обнаружены. Однако известна запись повести («Про львицу») в устном исполнении в Пинежском районе Архангельской области от Т. О. Кобелевой (см.: Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. статья и комм. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941. С. 104–106). Также в одной из рукописей находится Плач Иосифа Прекрасного («Возопи ныне ко Иакову, отцу моему Израилю...»; БАН. Текущие поступления. № 421. Л. 1), восходящий к Слову Ефрема Сирина о Прекрасном Иосифе (см.: *Шумило С. М.* Духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного» и его сирийский литературный источник // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 595–600). От А. М. Крюковой Марковым также записан духовный стих об Иосифе Прекрасном, но на другой сюжет — «Кому повем печаль свою...» (Беломорские старины и духовные стихи. С. 164–166). Как указывает Т. В. Филофова, этот сюжет «представляет собой плач Иосифа на могиле его матери Рахили, в котором он рассказывает о своих страданиях и своей горькой судьбе. Можно выделить два варианта плача: краткий, представляющий собой только плач Иосифа, и пространный, полностью повторяющий развернутое повествование духовного стиха „Блажен еси Иакове...“. Именно пространный вариант плача Иосифа „Кому повем печаль свою...“ стал одним из самых распространенных стихов в старообрядческой рукописной традиции» (*Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar. Köln; Weimar; Wien, 2010. S. 107). Именно этот вариант записан в исполнении А. М. Крюковой.

³³ ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 1.4. Л. 166–173 (сказка «Про Александра Македонского» от М. С. Крюковой); Л. 1333–1336 (сказка «Александр Македонский ходил в ад» от М. С. Крюковой, зап. 19 января 1944 года).

³⁴ Там же. Колл. 72. П. 2. № 11 («Александрия» от М. С. Крюковой, зап. в сентябре 1934 года).

³⁵ См.: *Комелина Н. Г.* Сказки об Александре Македонском на Русском Севере // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2012. Т. 36. С. 507.

В поздней записи 1943 года, сделанной Бородиной-Морозовой, сюжет представлен более развернуто. Сказка начинается кратким рассказом о жизни и смерти Александра, потом следует пассаж о славе Александра за его храбрость, так как он загнал всех «зверей» в пещеры. Звери послушались его, побоявшись могущественного перстня на руке царя, который достался Александру «от одного персийского воина». Засыпав пещеры и ущелья, Александр «приказал постановить кузницу, сам выковал железные трубы и все обтянул бархатом». И сказал: «...доколь мои трубы стоят, тем царям не стоять и народа не проедать». В трубы будет выть ветер, и «цари-чудовища» будут бояться выходить, «что царь Македонский все над има стоит». Но позже эти цари выйдут, и «горе будет человецам на земле».³⁶

В рукописи из библиотеки Крюковых этот сюжет представлен иначе. Александр убоился нечистоты и скверны народов, начал «молитися Богу со страхом великим зело повелит собратися мужем и женам и детям их и поганым», чтобы дойти до гор. «Тогда же Александр помолился Богу со страхом великим, и повеле Господь Бог горам северным³⁷ сосупитьися. И повелением Божиим сосупишася горы». Александр поставил врата железные и замазал их «суньглимом». Народы выйдут из заточения при скончании мира. Здесь нет упоминания железных труб и могущественного перстня. Александр побеждает нечистые народы, обратившись с молитвой к Богу.

Устный вариант сказок, записанный от М. С. Крюковой, восходит, вероятно, к лубочным сюжетам и не имеет прямых пересечений с отрывком из «Откровения Мефодия Патарского».³⁸ В «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева в сюжете о «Гогах и Магогах», заточенных Александром Македонским, присутствует мотив железных труб, поставленных победителем: «...Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: „О, видно еще жив Александр Македонский!“ Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самую кончиною света».³⁹

В одном из сборников духовных стихов конца XIX — начала XX века, привезенных Бородиной-Морозовой, находится стих об осаде Соловецкого монастыря («Что во славном было царстве...»); конец текста утрачен; БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 9 об.).

Рукописный текст на этот же сюжет был обнаружен на Зимнем берегу Марковым: «Листок со стариною об осаде Соловецкого монастыря найден мною в Нижней Золотице у одной старухи; он находился среди рукописей со статьями церковного содержания и духовными стихами: об Иоасафе-царевиче, о кончине и о грешной душе. В одной из тетрадок с духовными стихами находится запись: „1813 года Устинья Крюкова“, на другой — бумажный водяной знак: „В. Ф. П. М. 1815“. Следовательно, старина была записана (или списана со старого оригинала?) в десятых годах XIX в. Владелица рукописей в молодости жила у своей тетки Устиньи Крюковой в Онуфриевской пустыни Мезенского уезда, в 100 верстах от Золотицы, и там выучилась грамоте от скитниц».⁴⁰

³⁶ Полный опубликованный текст сказки см.: Там же С. 509.

³⁷ Отметим, что «северные горы» не являются для М. С. Крюковой чем-то абстрактным. «Северные горы» — один из топонимов Зимнего берега Белого моря.

³⁸ Однако любопытно, что лист рукописи из библиотеки Крюковых, на котором повествуется о народах, заточенных Александром Македонским в горах, оторвался или был вырван нарочно и ошибочно вложен в другое место книги.

³⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2. С. 384, 459.

⁴⁰ Начало стиха в рукописи утрачено, у Маркова оно публикуется по записи со слов владелицы (см.: Беломорские старины и духовные стихи. С. 404–405). Из биографии Г. М. Плакуева известно, что Марков заходил к его матери и получил от нее в подарок рукопись Устиньи Крюковой «Осада Соловецкого монастыря» (Там же. С. 469–472). Устинья Ивановна Крюкова жила в кельях старообрядческого Ануфриевского скита, где воспитывалась и обучалась грамоте ее племянница, мать Плакуева. В доме Плакуева было несколько рукописных книг. По словам деревенских жителей, книги попали к его матери после того, как скит был закрыт. Сам Плакуев говорил, «что прежде знал много старин, но по молодости стеснялся исполнять их при приезжих» (см.:

На Зимнем берегу текст стиха об осаде монастыря в устном исполнении был зафиксирован фольклористами трижды. Марков издал его в варианте от А. М. Крюковой.⁴¹ В 1934 году стих был записан Чужимовым от М. С. Крюковой, но издан не был. В переписке с Ю. М. Соколовым и директором Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичем исследователь просит не публиковать некоторые собранные им тексты: «В том случае, если редакция сборника былин М. С. Крюковой будет печатать былины моей записи, я прошу Вас передать редакторам мою просьбу о том, чтобы нижеследующие былины не печатались, а были только упомянуты: 1) „Соломан и Иван Микульевич“, 2) „Осада Соловецкого монастыря“ (в XVII в.), 3) „Турицы“».⁴² Запись стиха, сделанная Чужимовым, в архивах пока так и не обнаружена.

«Стих про осаду Соловецкого монастыря» в записи Бородиной-Морозовой и Липец 1938 года был опубликован в томе былин Крюковой.⁴³ По словам М. С. Крюковой, она переняла его «от стариков Николая Попова и Ефима Михайловича Субботина»,⁴⁴ т. е., судя по фамилиям, от поморов Зимнего берега. Марков же помещает этот сюжет в записи от А. М. Крюковой среди старин Терского берега Белого моря.

Стих об осаде Соловецкого монастыря достаточно распространен в устной и письменной традициях.⁴⁵ Т. Г. Иванова рассматривает его как «произведение, срединное между двумя жанрами — духовным стихом и исторической песней»,⁴⁶ и полагает, что стих возник позже «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, был сочинен неизвестным автором по законам силлабического стихосложения, а позже преобразовался в «устные варианты и варианты из крестьянских тетрадок, в разной степени трансформирующие первоначальную композицию, образную систему и силлабический стих».⁴⁷ По мнению исследователя, «„эталонным“, близким к предполагаемому письменному протографу, оказался текст, записанный Марковым в 1899 году <...> от Аграфены Крюковой». Песня в варианте Марфы Крюковой, по замечанию Ивановой, является «композиционно близким и одновременно существовавшим иным» вариантом текста, значительно разросшимся благодаря импровизационному дару сказительницы.⁴⁸ Осторожно предположим, что до сих пор не найденный вариант стиха, записанный от Крюковой в более раннее время Чужимовым, может значительно отличаться от опубликованного и быть еще ближе к тексту Аграфены

Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи) / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.: Л., 1961. С. 467).

⁴¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 154–157.

⁴² ГЛМ. Ф. 612. Оп. 1. № 2228. Л. 10 (письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу; не датировано).

⁴³ Былины Крюковой / Зап. и комм. Э. Г. Бородина и Р. С. Липец. М., 1941. Т. 2. С. 578–588.

⁴⁴ Там же. С. 714.

⁴⁵ Подробнее о стихе и его публикациях см.: *Иванова Т. Г.* Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича) // *Русская литература*. 2016. № 4. С. 5–22. О художественных особенностях стиха и влиянии на него «мировоззрения старообрядческой среды» см.: *Дранникова Н. В.* Историческая песня о соловецком восстании // *Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.)*: Сб. науч. статей и докладов междунар. научно-практической конф. Архангельск, 2015. С. 87–90. Тексты стиха выявлены Философовой в Древлехранилище Пушкинского Дома: в Пинежском собрании, в коллекции В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой и др. (*Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland... S. 104–105). К ним можно добавить еще списки из собрания Отдельных поступлений (Оп. 24. № 156. Л. 76 об.; № 173. Л. 51 об.), из коллекции П. С. Богословского (№ 58. Л. 29 об.), Вятского собрания (№ 26. Л. 151). Список может быть продолжен. На вятские рукописи, содержащие этот стих, указывает в своей диссертационной работе Е. В. Воронцова (*Воронцова Е. В.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. С. 78, 104, 122, 125, 128, 164, 183). Е. И. Иткина отмечает иллюстрированный стих о взятии монастыря (РНБ. Собр. Десницкого. № 6; см.: *Иткина Е. И.* Повесть «Описание лицевого великой осады и разорения монастыря Соловецкого» и ее литературные и изобразительные источники // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1985. Т. 38. С. 259).

⁴⁶ *Иванова Т. Г.* Песня «Осада Соловецкого монастыря»... С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 7.

⁴⁸ Там же. С. 15.

Крюковой, так как в эти годы еще не началось тесное сотрудничество М. С. Крюковой с фольклористами.

В одной из рукописей (БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 7 об.) находится духовный стих об Иоасафе-царевиче с инципитом: «Как расъплачится млад юноша Иосаф царевич пред пустынею стоя...», представляющий собой разговор царевича и пустыни. Стих на этот сюжет в устном исполнении зафиксирован на Зимнем берегу от Анны Васильевны Стрелковой (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 19. Л. 558–560).⁴⁹ Пока это единственная на Зимнем берегу Белого моря запись произведения об Иоасафе-царевиче именно в таком варианте.⁵⁰ Есть свидетельство Маркова о том, что он видел рукопись со стариною об этом же святом, но о каком сюжете идет речь, остается неясным.⁵¹

Разговор царевича и пустыни — в его рукописной и устной версиях — расходится достаточно сильно. При этом многие текстовые параллели сохранены. Приведем два примера, цитируя сначала сборник стихов, а затем — А. В. Стрелкову:

Как расъплачится млад юноша Иосаф царевичь
Пред пустынею стоя:
«Мы <так!> любимая моя мати, прекрасная пустыня,
Приимы мене, яко мати свое чадо,
На свои на белья руцы...»⁵²

Как расплакалсе млáдой юныша да Иосаф царевичь,
Пред пустынею стояшше да слезно плакал он:
«Уж ты ой еси, мать моя пустынюшка пуста,
Ты прими-тко-се меня на свои руки белья».⁵³

Еще один пример:

Проречет млад юнош Иосаф царевичь:
«Не страшаи мене, пустыне, превеликами страстмя.
Того аз хочу я, и душа моя желает.
У тебя во пустыни воспиталься Предотеча,
Сладьки меда и акриды,
Еще кушал Предотеча гнилую колоду,
Еще пил Предотеча болотную воду.
Разгуляюсь, млад юнош, по земному браве,
Со мной станут говорить на древах мелкое лисье,
Что Христос на престоле с херувимы, сарафимы,
Вся небесныя силы».⁵⁴

Отвечает ему млáдой юныша да Иосаф-царевичь:
«И не страшай меня, пустынюшка, превеликими страстями-то,

⁴⁹ Полный текст стиха см.: *Комелина Н. Г.* Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени (по материалам фольклорного собрания ИРЛИ) // *Русская литература.* 2018. № 4. С. 226–227.

⁵⁰ От А. М. Крюковой был зафиксирован духовный стих, который представляет собой переложение житийной «Повести о Варлааме и Иоасафе» (Беломорские старины и духовные стихи. С. 171–175). Стих на такой же сюжет был записан от М. С. Крюковой Бородиной-Морозовой в 1942 году (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 4. Л. 98–150). «Песнь покаянна Иоасафа царевича в пустыню входяша» с инципитом «Боже, Отче всемогущий...» входит в состав рукописи XVIII века из библиотеки Крюковых (БАН. Текущие поступления. № 421. Л. 8 об.). На л. 12 запись: «Сия книга крестьянина Василья Левотьева Крюкова сам своеручно подписал 1854 года м<еся>ца мая 9 дня».

⁵¹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 404.

⁵² БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 7 об.

⁵³ Полный текст стиха см.: *Комелина Н. Г.* Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени. С. 226.

⁵⁴ БАН. Текущие поступления. № 427. Л. 8 об. — 9 об.

Уж я сам того хочу и душа моя желает,
 Я хочу-то в пустынюшки пбстом-то попоститесе,
 И я хочу-то во пустынюшке трудом-то потрудитесе,
 Уж я буду воскушати гнилую колоду,
 Уж я стану запивать болотной водой-то,
 И розгуляюсь-то я по чистому полю-ту,
 Сб мной станут говорить на древах мелки листы,
 И осиновы-то листики березовы,
 Уж я стану говорить да ише с ёлочкой». ⁵⁵

В этом же сборнике (БАН. Текущие поступления. № 427) находятся еще два духовных стиха, которые встречаются также в устном исполнении на Зимнем берегу Белого моря: «Человек на земли как живет, трава растет...» (л. 5 об.) и «Егда человек здрав бывает, тогда и смерти не помышляет...» (л. 1). Первый сюжет записан Марковым от А. М. Крюковой. ⁵⁶ Второй — Бородиной-Морозовой от М. С. Крюковой. ⁵⁷ По словам последней, она переняла стих у В. Л. Крюкова, который выучил его в ските. Тексты устного и письменного вариантов стихов, обнаруженных на Зимнем берегу Белого моря, находятся примерно в таком же соотношении, как и в случае приведенного выше стиха об Иоасафе-царевиче.

Благодаря работе экспедиций Пушкинского Дома последних лет, а также археографическим открытиям на Зимнем берегу Белого моря, сделанным еще в середине XX века и вновь попавшим в поле зрения исследователей спустя почти век, в центре нашего внимания оказалось относительно небольшое собрание рукописных книг из Верхней и Нижней Зимних Золотиц. Часть книг достоверно принадлежала семье Крюковых либо читалась ими. Имена владельцев и читателей многих других рукописей неизвестны, однако мы предполагаем, что все они, с большой степенью вероятности, были привезены Бородиной-Морозовой из той же части Поморья, сказители которой обращались не только к былинам, но и жанрам фольклора, имеющим устно-письменную форму бытования, зачастую восходящим к книжным источникам. Существование одних и тех же сюжетов в репертуаре сказителей Зимнего берега и в местных рукописях позволяет исследователю поставить экспериментальный вопрос о взаимовлиянии устного и письменного вариантов произведений, бытующих в одной конкретной среде в одно и то же время. В настоящий момент мы не можем достоверно возвести ни один из рассмотренных выше фольклорных текстов к представленным в статье спискам рукописей. Возможно, более кропотливая текстологическая работа позволит прийти к иным выводам в будущем.

Выявленные рукописи дополнили сведения о биографиях, круге чтения семьи Крюковых, их симпатии к старообрядчеству. Пример сказителей Крюковых — читателей и хранителей рукописных книг — не уникален. Немалую роль здесь сыграло то значение, которое имело старообрядчество и скиты для жителей Зимнего берега Белого моря.

Можно провести аналогию со старинщиками Печоры, где, как пишет А. М. Панченко, «былина <...> жила в близком соприкосновении с рукописной книжной традицией», а духовная жизнь была ориентирована «на времена дедов и прадедов». Основными причинами сохранения на Печоре эпической поэзии Ончуков называл «географическую удаленность <...> и приверженность населения „старой вере“». ⁵⁸ Значение, которое старообрядчество придавало прошлому, и стремление к некоторой форме консервации культуры, вероятно, сказались в равной степени на сохранении рукописной книжности и фольклорных традиций.

Что же касается грамотности, то, на наш взгляд, пример сказителей Зимнего берега только подтверждает один из выводов М. К. Азадовского о том, что «...грамот-

⁵⁵ Комелина Н. Г. Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени. С. 227.

⁵⁶ Беломорские старины и духовные стихи. С. 176.

⁵⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. П. 3.

⁵⁸ Панченко А. М. Рукописная книжность Печоры. С. 124.

ность не только не служит разрушающим фактором, болезненно вторгающимся в сферу сказительства, но <...> служит подчас новым и творческим источником последнего». ⁵⁹

⁵⁹ Азадовский М. К. Сказительство и книга. С. 14.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-63-67

© Н. Ю. Алексеева

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

При изучении творчества отдельных поэтов середины XVIII века и поэзии этого периода в целом на заднем плане маячит вопрос: насколько основательны наши суждения о поэзии этого периода, когда мы строим их на печатных изданиях. Мы судим о поэзии по публикациям в журналах или в авторских сборниках, но, как и во всякую эпоху, в XVIII веке число напечатанных произведений заведомо меньше числа написанных. Само соотношение между рукописной и печатной литературой — важная характеристика культуры. Применительно к XVIII веку вопрос о соотношении изданных произведений литературы и неизданных, распространявшихся в рукописях, еще не ставился. Ближе всего к нему подошел М. Н. Сперанский, стремившийся к максимальному охвату изучавшихся им в течение нескольких десятилетий рукописных сборников XVIII века. В монографии, заверченной перед самой кончиной в 1938 году, ¹ основное внимание он уделяет низовой литературе: фольклору и демократической (недворянской) поэзии и прозе, изучение которой, как справедливо отмечает в предисловии к подготовленному ею изданию книги В. Д. Кузьмина, в 1920–1930-е годы ощущалось как насущная задача науки. ² Книжная поэзия Сперанским специально не рассматривается, о ней кратко говорится лишь в заключении книги, сам ее репертуар приведен в VIII рубрике предметного указателя «Некоторые стихотворные произведения русских писателей XVIII в. в рукописных сборниках». ³ Все указанные в рубрике произведения, за исключением сатир Антиоха Кантемира, были знакомы современникам по изданиям в отдельных сборниках, собраниях сочинений, наконец, в журналах. Сперанский указывает, что это рукописные списки с печатных изданий. ⁴ Наблюдения Сперанского подтверждают и другие, не описанные им сборники. ⁵ Поэтические материалы в них за редким исключением составляют стихотворения, восходящие к печатным изданиям. Таким образом, к нашему знанию поэзии XVIII века рукописные сборники мало что добавляют, но они многое дают для понимания развития поэзии.

Прежде всего благодаря им мы можем судить о вкусах широкого читателя XVIII века. Присутствие в сборниках стихотворения свидетельствует о некоторой его популярности, хотя жесткой зависимости здесь не существует. По предварительным сведениям, наиболее часто в стихотворных сборниках встречаются произведения А. П. Сумарокова. На основании этого с большой осторожностью можно делать вывод о его популярности в среде, которую в середине XX века называли демократической, т. е. недворянской, — среде, в которой в основном и бытовали рукописные сборники. Вкусы разных слоев общества, конечно, не совпадали. Любопытен в этом отношении

¹ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.

² Кузьмина В. Д. Предисловие // Там же. С. 3.

³ Там же. С. 168–171.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Их исследование в связи с работой над изданием Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова было проведено А. А. Костиным.